

Татарников Д.Г. (Саратов)

ФАБИЙ ПИКТОР О ПРИЧИНАХ
ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
(к интерпретации фрагмента Polyb. III.8.1–8)

Задавшись целью разыскать философские основы наук о духе — к этим наукам, без всякого сомнения, следует отнести историю — немецкий философ В. Дильтей заметил, что материал этих наук “составляет исторически-социальная действительность, насколько она сохранилась в сознании человечества в виде исторических сведений и стала доступна в форме общественных знаний, выходящих за пределы сиюминутной ситуации”¹.

Впрочем, следует ясно понимать, и это, в первую очередь, касается древней истории, что исторически-социальная действительность может быть представлена нам не сама по себе, а лишь *во внутреннем опыте*. Во внутреннем опыте, главным образом, тех авторов, сочинения которых сегодня стали для нас историческими источниками. Однако для того, чтобы вплотную приблизиться к той исторической действительности, которая представлена во внутреннем опыте древних писателей, нам просто необходимо рассматривать их сочинения как факты духовного порядка, составляющие определенную реальность, подлежащую не овладению, но, прежде всего, нашему осмыслению.

Между тем, будучи фактами духовного порядка, сочинения античных авторов содержат в себе не только рассказы о событиях, теории, оценочные суждения и правила. Главным является то, что они заключают в себе сохранившиеся в письменном виде следы человеческого существования, выражают духовную жизнь авторов. Увидеть за сочинением человека, почувствовать его душевные переживания — значит верно осмыслить его труд и ближе всего подойти к той исторической действительности, которая представлена в его внутреннем опыте.

Таким образом, наиболее полная интерпретация любого письменного источника возможна лишь в том случае, если она будет учитывать духовную жизнь автора, целостность его сочинения, а также исторический контекст, неотъемлемой частью которого являлся автор и его сочинение. Разумеется, подобная интерпретация может быть осуществлена лишь на основе единства, заключающего в себе историческое, грамматическое, логическое и эстетическое знание.

Целью настоящей работы будет интерпретация фрагмента сочинения Кв. Фабия Пиктора (Polyb. III. 8 = frag. 25 Peter). Думается истолкование этого отрывка на основе вышеуказанного единства позволит пристальнее взглянуть в ту картину прошлого, которую он в себе заключает.

¹ Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 127.

Впрочем, весьма интересна бывает не только историческая действительность, представленная во внутреннем опыте автора. Пожалуй, не менее интересным оказывается также *авторское восприятие* этой действительности, которое выражается, как правило, в объяснении и оценке тех или иных исторических событий. Объяснение же и оценка во многом зависят от причин события.

В упомянутом выше фрагменте речь идет именно о причинах исторического события, то есть о причинах, которые, по мнению Пиктора, привели к возникновению второй Пунической войны. Поэтому в настоящей работе мы также попытаемся определить то, как современник второй Пунической войны Фабий Пиктор воспринимал это историческое событие.

Впрочем, прежде чем приступить к непосредственной интерпретации фрагмента, необходимо несколько слов сказать о жизни первого римского историка² и дать критику его сочинения.

Фабий Пиктор был сенатором и родственником знаменитого Квинта Фабия Максима (Plut. *Fab.* XVIII). В 225 г. Пиктор принимал участие в войне против галлов, а в 223 г. — в войне против лигуров (Oros. IV.13.5)³. Кроме того, известно, что в 216 г. после битвы при Каннах он по поручению сената совершил путешествие в Дельфы (Liv. XXII.57.5; XXIII.11.1–6; Plut. *Fab.* XVIII). Это, пожалуй, все, что можно сказать о жизни историка.

Свое сочинение, озаглавленное “*Annales*” (Cic. *De div.* I.21.43; Plin. *Hist. nat.* X.34.71), Фабий написал на греческом языке и охватил в нем период от основания Города до современных ему событий⁴. Впрочем, о труде Пиктора известно столь же мало, сколько и о его жизни. Более того, все, что сейчас известно об этом сочинении, можно отнести лишь к области предположений, выдвигаемых различными исследователями.

В этом отношении весьма показателен вопрос о том, почему Фабий написал свое сочинение на греческом языке. Очень интересную версию, объясняющую причину, по которой Пиктор избрал его для написания своего труда, выдвинул М. Гельцер. По мнению немецкого исследователя, в выборе языка первый римский историк исходил именно из контекста эпохи, поскольку обращался своим сочинением прежде всего к эллинам, желая изложить им римскую “программу действий” (προαίρεσις). Более того, М. Гельцер утверждал, что Фабий Пиктор как историк желал занять место рядом с греческими авторами⁵. Схожее мнение о причине, по которой Пиктор написал свой труд на греческом языке, высказал Н.А. Машкин. Он пишет, что сочинения старших анналистов “рассчитаны были

² Дионисий Галикарнасский (*Ant. Rom.* I.6.2; VII.71.1) и Тит Ливий (I.44.2) прямо указывают на то, что Фабий Пиктор был первым римским историком.

³ *Соболевский С.И.* Ранняя латинская проза // История римской литературы / Под ред. С.И. Соболевского. М., 1959. Т. 1. С. 118.

⁴ *Walter U., Beck H.* Die Frühen Römischen Historiker. Darmstadt, 2001. S. 17.

⁵ *Gelzer M.* Römische Politik bei Fabius Pictor // *Hermes.* 1933. Bd. 68. S. 129–130.

на узкий круг эллинов, интересовавшихся римским прошлым”⁶. Впрочем, существует также предположение о том, что Фабий Пиктор писал по-гречески лишь потому, что латинский язык того времени был недостаточно выработан для создания исторического сочинения в прозе⁷. Собственного мнения на этот счет придерживался С.И. Соболевский. Он считал, что “первые анналисты пользовались греческим языком потому, что в то время он был модным языком тогдашнего образованного общества”⁸. Наконец, британский исследователь Х. Маттингли вопреки всему утверждал, что Фабий Пиктор написал свой труд по латыни⁹.

В исследовательской литературе дискуссия разворачивается не только о причинах, по которым первый римский историк написал свое сочинение на греческом языке, много споров вызывает и вопрос о структуре произведения¹⁰, а также о целях, которые ставил перед собой Фабий Пиктор, взявшись за написание исторического сочинения. Выше уже упоминалось мнение М. Гельцера, согласно которому Фабий своим сочинением обращался к грекам. Однако немецкий исследователь считал, что римский историк, находясь внутри политических течений своего времени, стремился в своем сочинении особо подчеркнуть заслуги сената¹¹. Кроме того, по мнению М. Гельцера, Фабий выдвигал на первый план оборонительный характер римской внешней политики¹², а также подчеркивал позицию своего рода в борьбе за влияние, происходившей среди знатных семейств Рима¹³.

Ситуация, когда об “Анналах” можно говорить только с известной долей вероятности, сложилась, прежде всего, потому, что труд сохранился лишь в немногочисленных фрагментах¹⁴. Однако нет никаких сомнений в том, что Фабий Пиктор в своем сочинении подробно останавливался на событиях второй Пунической войны, поэтому в историографии нового времени, начиная с работы

⁶ Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1950. С. 13.

⁷ Sisto L. *Influenza di Q. Fabio Pittore sull' opera di Polibio di Megalopoli // Atene e Roma*. 1931. N. S. 12. P. 176–178; Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. 1. С. 871–872; Ковалев С.И. История Рима. Л., 1948. С. 16.

⁸ Соболевский С.И. Указ. соч. С. 121.

⁹ Mattingly H.V. LCM. Vol. 7.2. 1982. P. 20.

¹⁰ Дискуссия относительно структуры сочинения Фабия Пиктора отражена в работе Д. Тимпе (*Timpe D. Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik // ANRW*. 1972. I/2. Berlin. S. 928–969). Сам немецкий исследователь, вопреки словам Дионисия Галикарнасского (I.6.2–3), из которых можно сделать вывод о двучленной структуре “Анналов”, считает, что в сочинении Фабия Пиктора можно выделить три части. В первой части римский историк внимательно рассматривает время основания Рима, затем очень сжато повествует о событиях V–IV вв. до н. э. и, наконец, подробно излагает современные ему события.

¹¹ Gelzer M. Op. cit. S. 136–137.

¹² Ibid. S. 136–137.

¹³ Ibid. S. 139.

¹⁴ Фрагменты труда Фабия Пиктора были собраны Г. Петером в книге “Фрагменты римских историков (*Veterum historicorum Romanorum reliquiae. Disposuit, recensuit, praefatus est Hermannus Peter. Vol. I. Lipsiae in aedibus B.G. Teubneri*. 1870. P. 5–38). Кроме того, они представлены в книге “Ранние римские историки” (*Walter U., Beck H. Op. cit. S. 55–137*).

К.Ю. Белоха¹⁵, исследователи так настойчиво ищут следы работы анналиста в первых книгах труда Полибия¹⁶.

Одним из таких явных следов стал именно интересующий нас фрагмент. В нем Полибий своими словами пересказывает мнение Фабия о причинах Ганнибаловой войны. Отметим, что в данном фрагменте мы имеем дело с пересказом, а, значит, со стилем Полибия. Впрочем, если греческий историк стилистически изменил рассказ Фабия Пиктора, то он сделал это нисколько не исказив его содержания, поскольку для Полибия самым важным в истории была истина. Более того, можно даже говорить о том, что некоторые особенности языка греческого историка позволяют лучше понять мнение Фабия.

Думается, стоит также уделить внимание вопросу, какое место в сочинении анналиста занимал рассказ, дошедший до нас в изложении Полибия. Очевидно, Фабий касался испанских событий сразу после завершения повествования о войне с галлами. Впрочем, обратимся непосредственно к содержанию самого фрагмента.

Согласно Полибию, Фабий утверждал, что “причиной войны с Ганнибалом было корыстолюбие и властолюбие Гасдрубала вместе с обидой, нанесенной заканфянам”¹⁷ (Polyb. III. 8. 1. [пер. Ф. Г. Мищенко с изменениями]). По мнению римского историка, Гасдрубал, после того как достиг власти в Иберии, вернулся на родину и решил устроить государственный переворот для того, чтобы установить единовластное правление. Но, поскольку первые люди Карфагена разгадали его планы и составили заговор для противодействия им, Гасдрубал был вынужден удалиться в Иберию, где он действовал самостоятельно, не подчиняясь карфагенскому сенату (Polyb. III.8.2-6). Далее Фабий писал, что Ганнибал, став преемником Гасдрубала, продолжил управление Иберией в духе своего предшественника и начал войну с римлянами по собственному желанию, поскольку никто из знатных карфагенян не одобрил действия Ганнибала относительно Сагунта (Polyb. III.8.6–8).

Если анализировать сообщение Фабия, исходя из исторического контекста, то следует обратить внимание на то, что историк, являясь представителем знатнейшего рода, был сенатором. Не следует забывать также и то, что Фабий Пиктор, приступая к написанию своего сочинения, вероятно, ставил перед собой ряд задач политического порядка. Как уже отмечалось, согласно весьма разумному предположению М. Гельцера, он желал в своем сочинении, обращенном к эллинам, а также к определенной части римского общества, владевшей грече-

¹⁵ *Beloch K.J. Polybios' Quellen im dritten Buche // Hermes. 1915. Bd. 50. S. 357–372.*

¹⁶ См.: *Dessau H. Über die Quellen unseres Wissens vom zweiten punischen Kriege // Hermes. 1916. Bd. 51. S. 355–385; Sisto L. Op. cit. P. 176–178.*

¹⁷ *Φάβιος δέ φησιν, ὃ Ῥωμαϊκὸς συγγραφεὺς, ἅμα τῷ κατὰ Ζακανθαίου ἀδικήματι καὶ τὴν Ἀσδρούβου πλεονεξίαν καὶ φιλαρχίαν αἰτίαν γίνεσθαι τοῦ κατ' Ἀνίβαν πολέμου.*

ским языком, оправдать внешнюю политику Рима и продемонстрировать правоту того политического течения, к которому он сам принадлежал.

Думается, что все это просто необходимо учитывать при интерпретации высказывания Фабия Пиктора о том, что одной из причин второй Пунической войны следует считать корыстолюбие и властолюбие Гасдрубала (τὴν Ἀσδροῦβου πλεονεξίαν καὶ φιλαρχίαν). Рисуя политический портрет Гасдрубала, который, по мнению Пиктора, несет ответственность за войну, римский историк пишет следующее:

ἐκεῖνον γὰρ μεγάλην ἀνειληφότα τὴν δυναστείαν ἐν τοῖς κατ' Ἰβηρίαν τόποις, μετὰ ταῦτα παραγενόμενον ἐπὶ Λιβύην ἐπιβαλέσθαι καταλύσαντα τοὺς νόμους εἰς μοναρχίαν περιστήσαι τὸ πολίτευμα τῶν Καρχηδονίων.

Ф. Г. Мищенко переводит эти слова так: “[Гасдрубал], достигнув сильной власти в Иберии, по возвращении в Ливию задумал ниспровергнуть учреждения Карфагенян и изменить форму правления их в единодержавие”.

Однако, кажется, что этот перевод нуждается в небольшом дополнении, связанном со значением существительного δυναστεία, которое использует Полибий, передовая слова Фабия Пиктора. Словарь “Polybios Lexikon”, составленный А. Маурсбергером, дает несколько значений этого существительного, которые используются греческим историком. К ним, прежде всего, относятся такие значения как “сила” “власть” (die Macht), а кроме того “господство” (die Herrschaft)¹⁸. Впрочем, в словаре указываются также определенные оттенки значения, которые имеет существительное δυναστεία в каждом случае его употребления. Так в интересующем нас фрагменте это существительное имеет значение “положение, дающее власть”¹⁹. Однако возникает вопрос, что это за сильное положение или сильная позиция, дающая власть, которую Гасдрубал занял в Иберии (μεγάλην ἀνειληφότα τὴν δυναστείαν)?

В данном случае, вероятно, следует обратить внимание на то, что существительное δυναστεία в III.11.8–9; V.34.1; VII.11.4 очень близко по своему значению к существительным ἀρχή и βασιλεία²⁰. Кроме того, существительное δυναστεία в I.2.1–2; IV.2.10; V.43.2; V.43.8; V.45.5 означало область, подвластную определенному правителю (чаще всего речь при этом шла о сатрапиях). Причем в V.43.2 Полибий подчеркивал, что владычество над землями правителем было получено по наследству²¹. Более того, в XII.15.7 существительные δυναστεία и βασιλεία являются синонимами²².

¹⁸ Polybios–Lexikon. Hrsgb. A. Maursberger. Berlin. 1961. Bd. I. L. 2. Sp. 580–582.

¹⁹ Ibid. Sp. 581.

²⁰ Ibidem.

²¹ Polybios–Lexikon. Hrsgb. A. Maursberger... Sp. 582.

²² Ibid. Sp. 581.

Следует также отметить, что в своем сочинении Полибий не раз использует существительное *δυναστής*, которым обозначает различных правителей. Так, например, он использует это существительное для обозначения туземных владык в Иберии, в цизальпийской Галлии, во Фракии, в Малой Азии, на Ближнем Востоке и Египте²³. Однако в XVIII.15.9 существительные *δυναστής* и *βασιλεύς* синонимы²⁴.

Вероятно, исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что в своем сочинении Полибий называл династами прежде всего сатрапов, которые подчинялись царской власти, и тех туземных правителей, которые властвовали над небольшими территориями. Существительное же *δυναστεία* означало у Полибия не просто могущество и абстрактную власть, но именно политическую власть, которая была по своей форме близка царской.

Следовательно, существительное *δυναστεία*, которое использует Полибий при изложении рассказа Фабия, может подчеркивать монархические, по мнению римского историка, устремления Гасдрубала. В качестве еще одного довода может выступать исторический контекст. Напомним, Фабий пишет, что после того как Гасдрубал добился в Иберии сильной власти, он, по возвращению в Ливию, задумал ниспровергнуть учреждения карфагенян и изменить их форму правления в единодержавие.

Отметим, что этими словами римский историк характеризует Гасдрубала как крайне беспринципного человека, который не только уже достиг в Иберии по сути монархической власти, но стремится также к единовластию и на родине, готовый для своих целей пренебречь всякими законами. Думается, римский сенатор, к тому же представитель рода Фабиев, вряд ли мог представить себе более страшный недостаток у государственного деятеля, чем стремление последнего к единовластию.

Впрочем, как пишет Фабий, на пути Гасдрубала встали первые государственные мужи (*οἱ πρῶτοι ἄνδρες ἐπὶ τοῦ πολιτεύματος προδομίνοι*), которые разгадали его планы и для противодействия им составили заговор. Таким образом, согласно логике римского анналиста, эти люди спасли государство от единовластия. Вероятно, в глазах Фабия-сенатора, первые государственные люди Карфагена были людьми более мудрыми и гораздо более добродетельными, чем стремящийся к единовластию Гасдрубал, а, значит, по праву управляли государством. Однако возникает вопрос, кого имел в виду римский сенатор и историк, говоря о первых государственных людях, помешавших планам Гасдрубала? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, кажется необходимым хотя бы кратко рассмотреть политическое устройство Карфагена.

²³ Ibid. Sp. 582.

²⁴ Ibid.

Не претендуя на подробный анализ государственного устройства карфагенян, отметим только то, что нам известно о нем из сообщений античных авторов²⁵. Аристотель, говоря о государственном устройстве Карфагена, указывает на его сходство с лакедемонским государственным устройством (*Pol.* 1272 b). Это же сходство отмечает и Полибий, но вместе с тем греческий историк видит также подобие карфагенского государства римскому (III.51.2). Он пишет, что “у карфагенян были цари, совет старейшин имел аристократическую власть и народ пользовался своими правами в должной мере” (VI.51.1). Вообще, то, что в государственном устройстве карфагенян сочетается царская власть, аристократическое правление и демократия отмечали многие античные авторы²⁶.

Из сообщений древних авторов явствует, что царская власть в Карфагене (*regia potestas* [Cato frag. 80 Peter]), находилась в руках двух суфетов, которых Аристотель сравнивал со спартанскими царями (*Pol.* 1272 b). Однако античные авторы, говоря о суфетах, наряду с термином βασιλεύς или *rex*, употребляют и другие названия: чаще всего *consul* (Нер. *Hann.* 7.4; Liv. XXX.7.5; Sen. *Dial.* IX.4.5) или *praetor* (Liv. XXXIII.46.3). Суфеты были высшими должностными лицами (*summus magistratus* [Liv. XXVIII.37.2]) и избирались сроком на один год (Нер. *Hann.* 7.4). Они обладали, вероятно, законодательной инициативой (Liv. XXXIII.46.6), имели право созывать сенат (XXX.7.5) и, может быть, даже народное собрание. Кроме того, суфеты вели судопроизводство (XXXIV.61.15), а также возглавляли определенные полицейские силы, которыми они пользовались для защиты государственных интересов. К тому же суфеты, по крайней мере, с начала второго века до н. э., стали контролировать государственные финансы (Нер. *Hann.* 7.4; Liv. XXXIII.46.3–47.2).

Аристократическое правление в Карфагене осуществлялось членами совета, которых Аристотель сравнивал со спартанскими геронтами (γέροντες). Сами карфагеняне, по мнению В. Хусса, называли этих людей “могущественными”²⁷. По всей вероятности, всего их было 300 человек (Polyb. XXXVI.4.6; Diod. XXXII.6.1; App. *Lib.* 76.354). В наших источниках для обозначения совета трехсот употребляются различные термины. Писавшие на греческом языке авторы называли этот совет: βουλή²⁸, γερότιον (Polyb. VI.51.2)²⁹; γερουσία³⁰,

²⁵ Подробнейший перечень источников по политическому устройству Карфагена, литература этого вопроса, а также его исчерпывающее рассмотрение представлены ведущим немецким специалистом по карфагенской тематике В. Хуссом (*Huß W. Geschichte der Karthager. München, 1985. S. 458–466*).

²⁶ Об этом кроме Полибия см.: Arist. *Pol.* 1272 b; Cato frag. 80 Peter.

²⁷ В. Хусс переводит финикийский термин h'drm как die Mächtigen (*Huß W. Op. cit. S. 462*).

²⁸ Diod. XXIII.10.1; App. *Iber.* 8.29; 10. 37; *Lib.* 34.143; 37.157; 80.376; 91.431; 93.439; 111.526; 118.561. См.: *Huß W. Op. cit. S. 461–462*.

²⁹ Ф.Г. Мищенко переводит термин γερότιον как “совет старейшин”.

σύγκλητος³¹ и συνέδριον³². Римские историки называли его сенатом (senatus)³³. Мнение членов карфагенского совета имело решающее значение в вопросах войны и мира. Кроме того, совет во время войны обладал контролируемыми полномочиями³⁴. Сказать что-либо определенное о внутривосточных функциях совета, которые были, несомненно, значимы, нельзя, поскольку как греческие, так и римские авторы почти ничего об этом ни сообщают.

Однако нам известно о том, что в совете трехсот существовал особый орган, “высший совет”³⁵ (sanctius consilium), который, как пишет Ливий, был главной силой в сенате и состоял из тридцати сенаторов (Liv. XXX.16.3). Во времена Аристотеля, вероятно, совета тридцати еще не было, поскольку греческий философ ничего о нем не сообщает. Но, исходя из сообщения Полибия (I.87.3), можно предположить, что ко времени восстания карфагенских наемников, т. е. примерно к 238 г. до н. э., совет тридцати уже существовал³⁶.

Важное значение в политической жизни принадлежало коллегии ста или ста четырех, которая была высшим судебным органом в Карфагене. По мнению В. Хусса, эта коллегия, основанная в 396 г. до н. э., обладала правом суда над карфагенскими военачальниками³⁷ и была по своей сути следствием аристократической реакции на растущую популярность отдельных полководцев и их семейств³⁸. Показательно, что Аристотель сравнивает положение членов этой коллегии с положением спартанских эфоров (ἔφοροι [Pol. 1272 b]). Философ сооб-

³⁰ Arist. Pol. 1272 b; 1273 a; Polyb. I.21.6; I.68.5; XV.19.2; Diod. V.11.13; XIII.43.4; XIV.47.1–3; XX.9.4; 10.1; 59.1; XXIII.10.1 b; 12.1; XXV.16; XXVII.11; XXXII.6. 2; 6.4; App. Lib. 35.149; 91.429–431; Syr. 8.33. См.: Huß W. Op. cit. S. 462.

³¹ Polyb. X. 18. 1; XV. 1. 5; XXXVI. 4. 6; Diod. XIV. 47. 2; XXXII. 6. 1. См.: Huß W. Op. cit. S. 462.

³² Polyb. I.31.8; III.8.4; 20.9; 33.1; 33.4; XIV.6.9; XV.19.9; XXXVI.3.7; Diod. XXV.16. См.: Huß W. Op. cit. S. 462.

³³ Nep. Hann. 7.6; Liv. XXI.3.2; 10.2; 11.1; 18.3; XXIII.11.8; 13.7; 28.1; 28.4; XXV.40.12; XXVII.20.6; XXVIII.31.4; 36.1; XXX.7.5; 16.3; 19.4; 20.3; 22.2 sq.; 24.10; XXXIII.47.6; 49.1; XXXIV.61.6; 61.15; 62.1; XXXVIII.48.13; XLI.22.2; Val. Max. II.7. ext. 1; VII.3. ext. 7; IX.5. ext. 4; Iust. XX.5.13; XXI.4.1–3.

³⁴ Huß W. Op. cit. S. 462.

³⁵ Существование этого политического органа вытекает также из сообщений Полибия (X.18.1; XXXVI.4.6) и Аппиана (Lib. 80.376). Аппиан и Полибий называют совет тридцати γερούσια. Причем в X.18.1 и XXXVI.4.6 Полибий противопоставляет совет тридцати совету трехсот, обозначая их различными терминами: γερούσια и σύγκλητος соответственно. Однако, какое значение Полибий вкладывал в существительное γερούσια в I.21.6; I.68.5; XV.19.2, не вполне ясно. Кроме того, Аппиан использует существительное γερούσια не только для обозначения совета тридцати. Герусией (γερούσιαν) он называет также и совет трехсот, таким образом, вкладывая одно и то же содержание в термины γερούσια и σύγκλητος (Lib. 91.429–431).

³⁶ Думается, что тридцать сенаторов (τριάκοντα τῆς γερούσιας), которые, как пишет Полибий, отправились мирить Ганнона и Гамилькара Барку, были именно членами этого совета (I.87.3 sq.).

³⁷ Отметим, что немецкий исследователь называет коллегия ста четырех государственным трибуналом (der Staatsgerichtshof) (Huß W. Op. cit. S. 464).

³⁸ В. Хусс пишет, что коллегия ста четырех была основана, вероятно, после поражения Гимилькона в Сицилии, с той целью, чтобы ослабить политическое влияние дома Магонидов (Op. cit. S. 464).

щает также о том, что членов совета ста избирают пентархи, “обладающие многими важными полномочиями” (*Pol.* 1273 а. [пер. С.А. Жебелева]). Членами совета, вероятно, могли стать только сенаторы (*Iust.* XIX.2.5). Ливий утверждает (*XXXIII.*46.1), что члены совета ста четырех избирались пожизненно. Более того, основываясь на сообщении Ливия, можно заключить, что функции этого органа с течением времени расширялись, а его политическое значение росло. Римский историк пишет, что ко времени избрания Ганнибала суфетом в 196 г. до н. э. в Карфагене господствовало сословие судей. Однако Ганнибал смог провести через народное собрание законопроект, по которому судьи избирались сроком на год и никто не мог оставаться судьей два года подряд (*Liv.* XXXIII.46.6–7).

Участием в народном собрании определялось влияние большинства граждан Карфагена на государственные дела. В качестве основной особенности народного собрания, которую нельзя найти при другом государственном устройстве, Аристотель называет право не только выслушивать постановления властей, но и обсуждать их; причем, как пишет философ, каждый желающий может говорить против вносимых предложений (*Pol.* 1273 а). Впрочем, обсуждать вносимые на рассмотрение предложения народное собрание могло лишь в том случае, если между суфетами и сенатом обнаруживались разногласия; в этой ситуации решающий голос безоговорочно принадлежал народному собранию. Если же суфеты не встречали со стороны сената никаких возражений, то они могли по своему усмотрению вносить или не вносить дела на рассмотрение народного собрания (*Arist. Pol.* 1273 а). Вместе с тем, народное собрание, вероятно, уже во времена Аристотеля, обладало важнейшим правом: оно могло избирать суфетов и полководцев³⁹. Необходимо отметить, что к началу второй Пунической войны значение народного собрания в политической жизни Карфагена сильно возрастает. По словам Полибия, когда карфагеняне начали Ганнибалову войну, их государство было хуже римского, поскольку у карфагенян наибольшую силу во всех начинаниях имел тогда народ, а у римлян высшая мера значения принадлежала сенату (*III.*51). Более того, к началу второй Пунической войны народное собрание в Карфагене, вероятно, находилось под сильным влиянием “партии Баркидов”⁴⁰.

Говоря о государственном устройстве карфагенян, необходимо еще упомянуть некоторые важные институты власти. Прежде всего, следует отметить, что в Карфагене существовало финансовое ведомство, глава которого являлся весьма значимым государственным чиновником⁴¹.

³⁹ Polyb. I. 82.12; III.13.4; Diod. XIII.43.4 sq.; XX.10.1; XXV.8; Nep. Hann. 3.1; Liv. XXI.3.1; XXV.40.12; App. Ann. 3.8; Zonara. VIII.13. См.: *Huß W.* Op. cit. S. 463.

⁴⁰ *Ibidem.*

⁴¹ Polyb. I. 82.12; III.13.4... S. 465.

В Карфагене также существовала должность судьи. Этот судья, вероятно, рассматривал дела более низкой юрисдикции, не относящиеся к компетенции суда суфетов и коллегии ста четырех⁴².

Наконец, в государстве карфагян существовала должность, которую Корнелий Непот называет *praefectus morum* (*Hann.* 3.2). Из сообщения Непота можно заключить, что “блюститель нравов” мог вмешиваться в частную жизнь граждан, если они, как ему казалось, нарушают общепринятые моральные нормы.

Итак, коснувшись государственного устройства карфагян, постараемся ответить на вопрос, кого именно имел в виду Фабий Пиктор, говоря о первых государственных мужах (οἱ πρῶτοι ἄνδρες ἐπὶ τοῦ πολιτεύματος προιδόμενοι), составивших заговор против Гасдрубала? Напомним, что, по мнению автора “Анналов”, эти люди спасли государство от единовластия. Однако прежде всего следует отметить то обстоятельство, что первые государственные мужи Карфагена не только спасли государство от единовластия, но и противостояли властолюбию и своекорыстию Гасдрубала, то есть тому, что явилось, по словам Пиктора, одной из причин второй Пунической войны.

Упомянув о заговоре против Гасдрубала, Фабий Пиктор сообщает, что карфагенский полководец удалился из Ливии и с этого времени управлял делами Иберии по собственному усмотрению, не соображаясь с волею сената карфагян (οὐ προσέχουσα τῷ συνεδρίῳ τῶν Καρχηδονίων [*Pol.* III.8.4]). Исходя из исторического контекста, можно предположить, что, по мнению римского историка, Гасдрубал наталкивался на противодействие своим замыслам главным образом со стороны карфагенского сената, и, следовательно, говоря о первых государственных людях, Пиктор имел в виду карфагенских сенаторов. Более того, можно предположить, что в оппозиции Гасдрубалу находилось большинство сенаторов, то есть членов совета трехсот, которые, согласно пересказу Полибия, были единодушны в своем стремлении противодействовать Гасдрубалу.

Между тем, утверждение Ливия (*XXI.3.2*), где он сообщает о дискуссии, развернувшейся в совете трехсот после того как Гасдрубал своим письмом пригласил к себе в Испанию юного Ганнибала, противоречит словам Фабия, который утверждал, что Гасдрубал действовал в Испании самостоятельно, не соображаясь с волей сената. Ливий сообщает, что Баркиды требовали разрешить Ганнибалу отправиться в Испанию, но против этого решения был Ганнон, которого римский историк называет “*alterius factionis princeps*”. Отметим, что Ливий использует здесь существительное *factio*, которое очень широко использовалось в эпоху гражданских войн и имело значение “политическая группировка”. Таким образом, Ливий называет Ганнона главой политической группировки, которая в

⁴² Косвенным подтверждение этому может стать замечание Аристотеля о том, что в Карфагене по всем судебным делам выносят решения определенные должностные лица (*Pol.* 1275 b).

совете трехсот противостояла Баркидам. Основываясь на сообщении Ливия, в котором продолжается рассказ о ходе дискуссии в карфагенском сенате (XXI.4.1), думается, можно даже говорить о том, кто именно входил в политическую группировку, возглавляемую Ганноном. Историк пишет, что меньшинство, то есть почти вся знать, согласилась с этим карфагенским политиком; но, как это обыкновенно бывает, большая часть восторжествовала над лучшей (“*rauci ac ferme optimus quisque Hannoni adsentiebantur; sed, ut plerumque fit, maior pars meliorem uicit*” [XXI.4.1]). Следовательно, по словам Ливия, в оппозиции Баркидам находилась прежде всего знать (*optimi*), остальная же часть сената, если и не принадлежала к партии Баркидов, то, во всяком случае, не была к ней враждебно настроена. Вместе с тем трудно отрицать то, что Гасдрубал, а затем и Ганнибал испытывали постоянное противодействие со стороны политической группировки Ганнона, которая старалась убедить сенат в своей правоте. Более того, можно также предположить, что те знатнейшие (*optimi*) и лучшие (*maiores*), о которых говорит Ливий, являлись членами совета тридцати, но это предположение нуждается в дополнительной аргументации.

Итак, кажется, что Фабий, несколько преувеличил число противников Баркидов в карфагенском сенате. Объяснение этому, думается, следует искать прежде всего в том, что Фабий Пиктор, как утверждает М. Гельцер, желал продемонстрировать в своем сочинении правоту того политического течения, к которому он сам принадлежал. Излагая предысторию второй Пунической войны, римский сенатор всячески подчеркивает вероломство Гасдрубала, на фоне которого рисует мудрый сенат, пусть даже сенат карфагенян. Сенаторы, по мнению Фабия, были опорой государства карфагенян. Они помешали Гасдрубалу ниспровергнуть законы и установить единовластие, а, кроме того, старались всячески ограничить его властолюбие, которое стало причиной второй Пунической войны. Следовательно, по логике Фабия, карфагеняне никогда бы ни начали вторую войну с Римом, а, значит, уберегли бы свое государство от поражения, если бы следовали воле сената.

Вероятно, римский анналист, обращаясь к своим читателям, на примере истории карфагенян желал лишней раз подчеркнуть значение сената не только в Карфагене, но, прежде всего, в римской Республике; он хотел показать, что противодействие воле сенаторов в любом государстве рано или поздно приведет это государство к гибели.

Напомним, что перед тем, как нарисовать крайне неблагоприятный политический портрет Гасдрубала, Фабий Пиктор обращает внимание своих читателей на то, что еще одной причиной второй Пунической войны, наряду со своекорыстием и властолюбием Гасдрубала, была обида, нанесенная законфянам (τὸ κατὰ Ζακανθαίους ἀδικήμα [Pol. III. 8. 1]). Объясняя свое понимание причин второй Пунической войны, Фабий пишет, что Ганнибал с детства подражал Гасдрубалу

и, будучи его наследником в Иберии, управлял делами в его духе (Polyb. III.8.5), то есть, не подчиняясь сенату. Таким образом, Ганнибал начал войну с Римом не только по собственному почину (κατὰ τὴν αὐτοῦ προαίρεσιν), но и наперекор карфагенянам (παρὰ τὴν Καρχηδονίων γνώμην [Polyb. III.8.6]); поскольку никто из знатных карфагенян не одобрил действия Ганнибала относительно города заканфян (οὐδένα γὰρ εὐδοκεῖν τῶν ἀξιολόγων ἀνδρῶν ἐν Καρχηδόνι τοῖς ὑπ’ Ἀννίβου περὶ τὴν Ζακανθαίων πόλιν πραχθεῖσιν [Polyb. III.8.7]).

Представляется неоспоримым то, что римский историк в своем сочинении снимает всякую ответственность за развязывание войны с карфагенского сената и полностью возлагает ее на Ганнибала, который действовал в духе Гасдрубала. По словам Пиктора, Ганнибал не только по собственной воле, но даже наперекор сенату напал на Сагунт.

Отметим, что действия Ганнибала относительно Сагунта Полибий определяет следующим образом: τὸ κατὰ Ζακανθαίους ἀδικήμα (в тексте τῷ κατὰ Ζακανθαίους ἀδικήματι). Думается, что это выражение как нельзя лучше характеризует восприятие римским анналистом действий Ганнибала. Напомним, что Ф. Г. Мищенко переводит эту фразу как “обида, нанесенная заканфянам”. Однако греческое существительное τὸ ἀδικήμα имеет также значения “несправедливое дело” и “несправедливость”; привативная альфа в этом слове вполне определенно указывает на его значение, которое будет противоположно значению, выраженному существительным ἡ δίκη. Следовательно, Фабий, говоря о действиях Ганнибала, подчеркивал то, что нападение карфагенского полководца на Сагунт — это несправедливость. Вероятно, Пиктор считал, что, напав на Сагунт, Ганнибал нарушил какой-то договор, поскольку после взятия Сагунта в Ливию явились римские послы и объявили, что карфагеняне должны или выдать им Ганнибала, или принять войну (Polyb. III.8.8). Однако в изложении Полибия остается неясно, какой договор, по мнению Фабия, нарушил Ганнибал, напав на Сагунт?

Итак, можно сделать следующий вывод. Фабий Пиктор полагал, что причиной второй Пунической войны было стремление Баркидов к царской власти. Напав на Сагунт, Ганнибал совершил несправедливость, которая привела к началу войны. Для Рима эта война была справедливой войной, поскольку римляне старались восстановить справедливость, нарушенную Ганнибалом, а кроме того, что не менее важно, римляне противостояли человеку, который стремился у себя на родине к царской власти и этим стремлением привел свое государство к поражению.